

АЛМАТЫ ҚАЛАЛЫҚ ҚАЗАҚСТАН ХАЛҚЫ АССАМБЛЕЯСЫ

АЛМАТЫ ҚАЛАСЫ ӘКІМІ АППАРАТЫНЫҢ «ҚОҒАМДЫҚ КЕЛІСІМ» ҚММ

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
ФИЛОСОФИЯ, САЯСАТТАНУ ЖӘНЕ ДІНТАНУ ИНСТИТУТЫ

ТАРИХИ ЖАДЫ – ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ВІРТЕКТІЛІКТІ ҚАЛЫПТАСТЫРУДЫҢ ҚАЙНАР КӨЗІ

Алматы қаласындағы Қазақстан халқы
Ассамблеясының Ғылыми сарапшылар тобының
IV қалалық ғылыми-практикалық
конференциясының материалдары

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ИСТОЧНИК КОНСТРУИРОВАНИЯ КАЗАХСТАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Материалы IV городской
научно-практической конференции
Научно-экспертной группы
Ассамблеи народа Казахстана г. Алматы

Алматы
2016

УДК 94(574)(063)
ББК 63.3(5 қаз)
И 89

*Рекомендовано к печати Научно-экспертной группой
Ассамблеи народа Казахстана г. Алматы*

Ответственный редактор

М.С. Шайкемелев – председатель Научно-экспертной группы
Ассамблеи народа Казахстана г. Алматы

Посвящается 550-летию Казахского ханства!

И 89 Историческая память как источник конструирования казахстанской идентичности. Мат. 4-й г. науч.-практ. конф. Научно-экспертной группы АНК г. Алматы (26 ноября 2015 г., Дом Дружбы). – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2016. – 140 с.

ISBN – 978-601-304-060-8

В сборник материалов 4-й городской научно-практической конференции «Историческая память как источник конструирования казахстанской идентичности», организованной Научно-экспертной группой Ассамблеи народа Казахстана г. Алматы, включены доклады и статьи ведущих историков, политологов, философов и общественных деятелей крупнейшего казахстанского мегаполиса. Авторы сборника посвятили свои доклады и статьи исследованию роли исторической памяти этносов Казахстана в формировании исторического сознания и общекзахстанской идентичности. Сборник предназначен для ученых – историков, политологов, философов, культурологов, преподавателей и студентов, а также адресован широкой общественности, интересующейся проблемами национального строительства.

УДК 94(574)(063)
ББК 63.3(5 қаз)

ISBN – 978-601-304-060-8

© Ассамблея народа Казахстана г. Алматы
© КГУ «Қоғамдық келісім» аппарата
акима г. Алматы
© Институт философии, политологии и
религиоведения КН МОН РК, 2016

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ВЕДУЩИЙ КОНЦЕПТ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ананьева Светлана Викторовна

Особая культурная сверхпамять, генетическая память литературы, по мнению современных литературоведов, базируется на ее едином смысловом пространстве. Концептуально значимыми являются положения С. Бочарова, сформулированные в монографии «Генетическая память литературы» [1], автор которой переосмысливает идеи М. Бахтина («память жанра», «культурно-историческая "телепатия"»), А. Панченко («национальная топка»), В. Топорова («резонантное пространство»), Ю. Тынянова («конвергенция»), «литературные припоминания» Ф. Достоевского.

Поэтика памяти в современной литературе Казахстана подразумевает присутствие воспоминания (*choes vise*), непроизвольно пришедшего воспоминания (воскрешение в памяти, *evocation*), активного воспоминания – припоминания, включающего узнавание (*rememoration, recollection, recollecting reminder, vise, rappel, reminiscence*). Воспоминание неизбежно модифицируется во временном интервале, «когда оно все еще принадлежит настоящему» и «уже становится вторичным воспоминанием» [2, с. 13].

Удивительным образом прошлое и современность объединяет романное творчество Г. Бельгера. Тревога за судьбу казахского аула, где он вырос и окончил среднюю школу, – отличительная черта эпических произведений писателя. В романе «Разлад» – современный аул и современный город, неприкаянность старшего поколения, аксакалов, потерявших опору и цель в жизни. Прежние ценности и идеалы остались

позади, что впереди – люди преклонного возраста, всю жизнь прожившие в благородном труде, понять не могут. Разлад в доме, в ауле, в себе самом – так определяет главную тему романа автор.

Архетип дома в романе «Туюк су» расширяется до архетипа аула, некогда зажиточного, благополучного, но захиревшего на глазах, словно неизлечимый больной. Расцвет аула пришелся на послевоенные годы, тогда это был совхоз имени Кирова. За последние годы аул переименовали в Туюк су (тихую заводь), и все пошло вкривь и вкось. Очутился аул в тупике. Г. Бельгер описывает историю аула, население которого всегда было разноликим: казахи, киргизы, сарты, таранчи, татары. В годы войны появились сначала корейцы («малорослые, молчаливые, изможденные, желтолицые, узкоглазые» трудяги), еще раньше поляки («на всех взирали надменно, гордо, будто все вокруг были виноваты перед ними»), вернувшиеся после войны на свою историческую родину. Затем привезли в аул немцев (покладистых, терпеливых, послушных и безотказных). Немцы прижились, стали говорить по-казахски.

Но на исходе войны привезли чеченцев и ингушей, карачаевцев, греков, турок, кумыков, крымских татар. На склонах холмов стали лепить свои «плоскокрышие сакли, точно птичьи гнезда» чеченцы. Когда чеченцы вернулись на родину, «глиняные времянки, лишённые человеческого присутствия, быстро разрушались, развалились, дожди и ветры разровняли их с землей, а редкие проплешины на холме вскоре заросли травой и кустарником». Лирическое отступление о судьбе аула, о переменах в его внешнем облике звучит в авторской речи: «Изменился он ... еще и чем-то неуловимым: многоязычной речью и песнями, новым обхождением разных племен, новыми отношениями между людьми, взаимной терпимостью, диковинной мешаниной нравов и обычаев, манерами в быту, раздольным и задушевым тамырством» [3, с. 12].

Концепт исторической памяти в романе является определяющим, как и мотив пути: «Люди – песчинка, перекачено поле. Куда его ветер погонит – лишь Аллах знает» [3, с. 210]. В

романах «Дом скитальца» и «Туюк су» сходятся воедино главные темы, волновавшие Г. Бельгера на протяжении всего его творчества. Многоплановые произведения, с разветвленными сюжетными линиями, обладающими стройной своеобразной композицией, подводят, на наш взгляд, своеобразный итог разрабатываемым ранее проблемам, поднимают их на новый уровень художественного обобщения.

В прозе Г. Бельгера последних лет отражены целые пласты истории (репрессии, война, трудовая армия, послевоенное время и современная действительность). Г. Бельгер и ранее обращался в своих разножанровых произведениях к теме репрессий. Судьба спецпереселенцев волновала его на протяжении всего творчества, начиная с повести «На сопках Манчжурии». Но в романах «Дом скитальца» и «Туюк су» она решена на такой щемящей ноте, что вновь и вновь возвращает читателей в те страшные годы. Так, начало романа «Дом скитальца» предваряет выписка из плана Государственного Комитета Обороны о вселении немцев в Казахскую ССР согласно Указу Президиума Верховного Совета Союза ССР от 28 августа 1941 года. Таким образом, в самом начале заявлена установка на историческую конкретность происходивших событий. В основе художественного произведения – реальные исторические факты, повлиявшие на судьбы тысяч и тысяч людей. Они повлияли на судьбу всего народа и каждого конкретного человека.

Оценка Указа неоднозначна. Беседующий с Давидом Эрлихом заведующий райздравотделом размышляет: «И Указ, на который ссылается запись в трудовой книжке, ему известен. Известен да непонятен. То, о чем говорится в том Указе, не укладывается в его сознании. Никак не укладывается. Но кто знает... Время смутное. Помнится в том Указе так и сказано: «По законам военного времени...», «во избежание кровопролития...» Бес его знает, что это за законы такие... Нет, обо всем этом не поговоришь. Тем более с человеком, которого и видишь-то впервые. Может, когда-нибудь позже, при случае, вне этих стен. А пока лучше держать язык за зубами» [4, с. 12].

Несобственно-прямая речь передает сомнения, закравшиеся в душу персонажа, и в то же время отражает тот холодок недоверия, царивший в стране. В тексте романа зловещий Указ будет цитироваться и упоминаться не раз и чаще всего в сочетании с указательным местоимением «тот», придающим несколько отстраненный оттенок и в то же время вполне конкретный. Это был «приговор целой нации, целому народу, сплошь, поголовно, без исключения, включая неразумных деток и престарелых немощных старцев». Новый Указ как снег на голову, как подлый удар из-за угла. «С какой целью понадобилось оскорбить, унижить, растоптать, обречь на изгнание, на муки, на гибель целый народ, более мирного, законопослушного, покладистого и трудолюбивее которого и вообразить себе невозможно?!»

Мужественно и пронзительно, честно и непредвзято пытается автор, спустя полвека, разобраться в творимых беззакониях, с горечью комментируя: «На безукоризненное проведение всеобщей депортации – кстати, это слово было не в чести, оно почти не употреблялось, так как не совсем гармонировало с декларируемыми гуманизмом и демократией, а предпочитали говорить: «эвакуация» или «выселение» – были брошены не только местная власть, армия и НКВД, но и партийцы-активисты из числа депортируемых». Один из них – главный герой произведения – завкандздравотделом Давид Эрлих, через восприятие которого даны картины народного горя. Тихая, уютная, благоденствующая республика со своим образцовым порядком за несколько дней превратилась в зону бедствия. Казалось, всю республику охватил пожар. Давид «засыпал измученный, истерзанный, проваливался накоротке в забытие и видел чаще всего одни и те же страшные и бесконечные сны, которые являлись в сущности отражением недавно пережитой яви».

Скорбное, сплошь онемевшее от горя и обиды кочевье двигалось к станции Плес. Лишь осеннее солнце «отстраненно взирало на разливанное людское горе», на движение «мертвого обоза» в страшном нескончаемом сне. «Даже собаки при-

уныли, чуяли невыразимую беду, трусили преданно и верно, сопровождая своих убитых горем хозяев, будто на погост в открытой степи... Люди молчали, покорные судьбе, и подсознательно чувствовали, что прощаются со своим прошлым, со своей малой родиной навсегда, на веки вечные. Они ехали и шли в сторону станции Плес, точно на Голгофу» [4, с. 95]. «Чисто промытыми стеклами бездушно» взирали молчаливые дома опустевших немецких деревень на неприкаянно бродивших животных, на недоенных коров и коз с воспаленными глазами, на обезумевших собак и огромных ухоженных котов, на гусиные стаи, чинно ведомые вожаком домой и в недоумении возвращающиеся к пруду.

Один из героев романа «Дом скитальца» – Христьян, спецпереселенец, вернувшийся из трудармии из Сибири, тяжело больной и предчувствующий свою близкую смерть, воспроизводит по памяти рисунок дома на Волге, где прошло его детство. В его уста писатель вкладывает взволнованные слова о родине: «...Тоска по родине, по родному дому, невозможность иметь родину, вынужденное странствие по белому свету, неприкаянность, неизбывная тяга к родному очагу, одинокая судьба вечного скитальца, трагизм чувства бездомья – самый распространенный, душераздирающий мотив немецких песен. Мечется немец по всему свету, везде он пускает или, точнее, стремится пустить корни, обосновывается крепко, устраивается, строит дом, но все равно это не его земля, все равно он точно чужеземец, изгой, странник, и дом его, где бы он ни стоял, – дом скитальца, который у него каким-то фатальным образом непременно норвят отобрать» [4, с. 115].

Маленький Гансик – герой немецкой песенки путешествует по свету. «Где он, Млечный путь на стылом небе? Где заплутала моя звезда?» – обреченно размышляет Христьян. Образ-символ млечного пути как пути всего немецкого народа и образ-символ трепещущего огонька, которым так дорожат в ауле военного лихолетья («Угас огонь в доме – угасла жизнь») – сквозные в романе. И еще очень важную деталь подмечает Давид Эрлих, устроившись фельдшером: в казахских аулах не

давали обидных прозвищ немецким детям, не высмеивали их. Домбра, скрипка, песня звучат в раздольной степи и в тишине дома. Немецкие, казахские, русские песни включены органично в художественную ткань повествования, ибо автор уверен в том, что «где не поют, там нет жизни. Не поют, где нет надежды».

В современном читательском сознании произведения Г. Бельгера объединяются в художественное полотно с единой темой – судьба немецкого этноса в Казахстане и духовные контакты казахов и немцев, о основе которых – историческая память. Историческими сведениями относительно Великой Отечественной войны интересна документальная повесть Т. Павленко «Формула жизни Дм. Клинцева». Не успели привыкнуть к празднику освобождения, который еще не стал «обыденностью, радость новизны не покидала сердце», как над Крымом нависла новая беда. В тексте повести цитируются документы под грифом «Совершенно секретно» Постановление ГОКО №5859 от 2 июня 1944 года о выселении из Крыма «немецких пособников из числа болгар, греков и армян в Гурьевскую, Свердловскую, Молотовскую, Кемеровскую области и Башкирскую АССР».

М. Симашко в книге «Дорога на Святую Землю» находит удачный образ страны, вобравшей в себя народы, лишённые своего дома. Отзывчивость и чуткость казахов он объединяет с духовностью. «Шевченко, Достоевский, ссыльные русские, поляки, украинцы, венгры, а в наше время многое могут рассказать депортированные Сталиным в голую степь целые народы: немцы, чеченцы, ингуши, греки, балкарцы, корейцы, турки, курды, караимы, крымчаки и другие... Так принято здесь от века, что не позволит казах умереть с голоду находящемуся рядом с его юртой человеку, какого бы роду-племени тот не был. Благим делом в этом народе всегда считалось воспитать сироту из другого народа. Эта традиция тоже уходит в века, и много есть воспитанных в казахских семьях осиротевших в страшные времена детей – русских, немцев, татар, чеченцев, евреев и других. Их не отличали от своих детей, кормили, учили, выводили

в люди. Это была обязанность перед собственной совестью, то есть то, что и называется духовностью» [5, с. 34].

В повесть Т. Павленко включен рассказ о выселении из родного дома Д.Х. Клинчевой-Бостанжиевой: «...Гнездо свое оставили... Это неправда, что животные ничего не понимают, все они понимают и чувствуют... Стон стоял над селом». Как веточку надежды воспринимают персонажи произведения – тоненькую ветку тополя, привезенного из районного центра Косчагыл в место их нового проживания – нефтепромысел Кульсары. Победа не изменила положение спецпереселенцев. Искренняя благодарность адресована казахскому народу: «Город Гурьев во время войны дал приют тысячам эвакуированных, сосланных, депортированных. И большинство выжило благодаря уральской рыбе да помощи казахов, народу гостеприимному, сострадательному и милосердному. Вспоминают, ловят казахи рыбу, вынимают из сетей. А к ним уж, как воробьи, слетаются дети. И первой рыбой казахи наделяют чужих детей – берите, ешьте на здоровье!.. Депортированные корейцы выращивали в пойме рис. Стали появляться в продаже помидоры, огурцы, арбузы, дыни, которые выращивали болгары и других научили. Жили все очень дружно...» [6, с. 33].

Историческая память, «горькая, как степная полынь», является лейтмотивом поэтических сборников А. Шмидта, автора книг «Преломление света», «Земная ось», «Родство», «Зерна дней», «Здесь и там». Национальная картина мира А. Шмидта раскалывается надвое: «здесь» и «там», что обыграно в названии поэтического сборника [7]. А. Шмидт соединяет в своей поэзии готику чертополоха, арабскую вязь травы, силовые линии ковыля. Символически названия стихотворений «Дом на краю» («Твой дом – обетованная Земля»), «Родной угол» («Может быть, всего тебе родней угол журавлиного полета»), «Родство» («Мы возвращаемся домой»). В концепте дом А. Шмидта ясно прослеживаются «дом – очаг», «дом – центр мира», «отчий дом», «дом – династия», «возвращение домой», «бездомность»:

Мы возвращаемся домой.
Волной ковыльною, седой
На дом наш Время набегают.

* * *

Вовек не разорвать родства,
Пока в душе живут слова:
Родник, Родня, Родной, Родимый.

Архетипу – «отчий дом» как ностальгия – свойственна ретроспективная модель развития, в которой одной из главных сюжетных основ стал мотив возвращения в отчий дом, мотив исторической памяти. Родовое гнездо, «тихая родина» недалеко от железнодорожной станции Переезд. Поэтому родная степь, ковыльно-полынная, отливающая серебром, седой ковыль, вечная полынь, розовотёлые сосны, смола-живица, степное солнце, необыкновенной синевы небо, диковинные облака – атрибуты поэзии А. Шмидта. Вопрос о национальной принадлежности писателя всегда решается индивидуально и мотивируется это не столько языком, сколько местом проживания писателя, его самоидентификацией с той или иной литературной традицией и множеством других факторов. «Небо отчизны да ветер сквозной» сопровождают лирического героя везде и повсюду. А определяющим остается концепт памяти: «Ну и / Поменял я / Ближнее зарубежье / На дальнее / Дальше Родина не стала / Но и не приблизилась / Осталась все на том же / расстоянии памяти / На расставании памяти».

Боль и тоска по отчему дому сквозят в поэзии Е. Зейферт, родившейся в Караганде. Она пишет на двух языках – русском и немецком, достигая в поэзии удивительного эффекта. В стихотворении «*Ruslanddeutsche*» [8] читаем:

Рот, вмещающий два языка.
Vater, Отче, скажи, чья дочь я?
Точит кирху на дне река...
«Твой удел – терпеть, *Ruslanddeutsche*...».

Стихотворение – программное для поэтессы. Пронзительно передано желание лирической героини: «В отчем доме хочу домой...». И далее многоголосье:

Предок! «Кости лежат в Карлаге».
Кирха! «Колокол мой немой».
Нибелунги! «Ты веришь в саги?..»

XX век, принесший тяжелейшие испытания народам: депортация, трудовая армия, нарушение привычного уклада жизни, затопленные и разграбленные церкви, вошел в судьбу лирической героини, как и в судьбы миллионов других. Но у нее есть богатство, которое останется навсегда. Две томящие души обрели две культуры, два духа: «Вдвойне нам достанет родительской речи...».

«Русской крови ни капли в жилах, – признается поэтесса в стихотворении «Онемечить меня отчизне». – А язык до восторга родной!». На просторах Евразии перемешались языки, наречия, народы, культуры:

Место жительства – тесная юрта.
Время жизни – страдания клеть.

В родной Караганде, в Карлаге «немцы штабелями эмигрировали в никуда». Поэтесса пытается разобраться в своих корнях, рвется в Москву и в Берлин, врасстая душою, как спрутом, в «восточный и западный сплин».

Голоса пращуров слышатся через немоту былого. Зовы Дона и Волги в карагандинской глуши: «Мои предки в теплушках когда-то попали сюда». Чернота неба, чернота хлебных корок, чернота острога. Чернота беды. Это все – Караганда: «Стоило здесь родиться, чтобы это узнать». Город детства и юности

... готов забрать мои чувства, знамения, сны
и взамен ничего, ничегошеньки не отдать,

он кричит – тебе не дожить до весны, до луны,
он молчит, головою качает то «нет», то «да».

Концепты Родины и исторической памяти – общие для немецких литераторов Казахстана и продолжают оставаться такими даже тогда, когда А. Шмидт уезжает в Берлин, а Е. Зейферт – в Москву. Любимый город – Караганда («золотая серединка, как вежа меж столицей и селом») взрастил героиню стихотворения «Карагандинка». Е. Зейферт с гордостью восклицает: «Я топну ножкой – я карагандинка и не хочу я родины другой». Одно из новых стихотворений Е. Зейферт:

Я кусаю губы
верхняя – Караганда
нижняя – Москва
на нижней кровеносное деревце метро
на верхней кровные сестры и братья
города соединяются на долю секунды
когда я произношу слово люблю.

Казахские реалии: невиданный размах и «соль восточных глаз» родной Караганды, «снег с крупичами угля», «Аргмак – конь-гора, конь-долина, конь-ветер...», «златоподковый скакун» органично входят в ритмику и словесный ряд стиха. В стихотворении «Родина» дастарханом «раскинулась желтая степь». Герой стихотворения, от лица которого ведется повествование, просит разрешения у степи, одушевляя ее и надеясь качествами живого существа, «кумыс талых вод пригубить и воспеть». К сожалению, он не владеет искусством игры на домбре и кобызе, но связан со степью сердечными струнами:

Я хочу в своем сердце навеки оставить
Синий облик Медео, покой Жетысу...

О прошлом размышляет лирический герой цикла Ст. Ли «Над небесной рекой...» [9, с. 122]:

Над руинами Аккыртас
ветерок,
озорной и степной,
как и тысячу лет назад.
Откуда пришли
и куда ушли караваны,
знали эти стены.
А теперь таинственно
молчание хранят.

Уштобе – особая территория памяти, со своим кодом, встроеным в вечность, со следами землянок, которые бессильны выровнять и время, и песок. Благодарные потомки приходят в эти места «пред мужеством колени преклонить»:

Ниже, ниже
кланяйся земле
и помни,
мы живы оттого,
что выжили они тогда,
в тридцать седьмом...

Музыку вечности поэт, кажется, угадал. Но в краю степном, среди тюльпанов, маков и других цветов он по-прежнему узнает «по запаху, по цвету, по изгибам лепестков цветы багульника» и бежит за тенью (отца, исторической Родины, прошлого?):

Но зачем я за тенью бегу,
столько света, пространства
вокруг...

Историческая память в современной литературе Казахстана, оставаясь ее важным концептом, безусловно, способствует конструированию казахстанской идентичности, формированию и воспитанию нового казахстанского патриотизма.

Список использованных источников:

1. Бочаров С. Генетическая память лигературы. – М.: РГГУ, 2012. – 341 с.
2. Ревзина О.Г. Память и язык // Критика и семиотика. – 2006. Выпуск 10. – С. 10–24.
3. Бельгер Г. Туюк су // Бельгер Г. Избранное: Соч. в 10 т. Т.IV. – А.: Балалар әдебиеті, 2010. – 246 с.
4. Бельгер Г. Дом скитальца // Бельгер Г. Избранное: Соч. в 10 т. Т.III. – А.: Балалар әдебиеті, 2010. – 376 с.
5. Симашко М. Великий Шелковый путь или анабазис с иностранцами // Симашко М. Дорога на Святую Землю. – А.: ИД «Жибек жолы», 1996. – С. 5–58.
6. Павленко Т. Формула жизни Дмитрия Клиичева // Простор. – 2012. – № 5. – С. 3–43.
7. Шмидт А. Здесь и там. – А.: Интерпринг, 2003. – 224 с.
8. Зейферт Е. Малый сборник. – Караганда, 2002. – 136 с.
9. Ли С. «Над небесной рекой...» // Простор. – 2012. – № 7. – С. 121–124.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
<i>Ананьева С.В.</i> Историческая память как ведущий концепт современной литературы	11
<i>Асанова С.А.</i> Исторический нарратив как источник формирования идентичности в современном Казахстане.....	23
<i>Айтымбетов Н.Ы.</i> Қазақстанның ұлттық бірегейлігін қалыптастырудағы отандық тарихтың рөлі.....	32
<i>Дунаев В.Ю., Курганская В.Д.</i> Формирование общеказахстанской идентичности как предмет преподавания истории Казахстана.....	44
<i>Ем Н.Б.</i> Чосонджок: исторические этапы появления корейской диаспоры и особенности национальной политики Китая.	58
<i>Ешпанова Д.Д.</i> Роль исторической памяти в социокультурном развитии этносов Казахстана.....	71
<i>Кадыржанов Р.К.</i> Историческая память и национальное строительство в Казахстане.....	81

Мамсуров К.В. Историческая память как фактор формирования единства и согласия этносов Казахстана.....	88
Сартаева Р.С. Задачи становления казахской государственности в историко-философском измерении.....	94
Сатершинов Б.М., Сағиқызы А. Тарихи сананың мәні мен мазмұнына қатысты кейбір мәселелер.....	105
Токтаров Е.Б. Историческая память казахского народа как фактор интеграции казахстанского общества.....	115
Шайкемелев М.С. Феномен исторической памяти и эволюция казахстанской общенациональной идеи.....	124
Авторы сборника.....	136